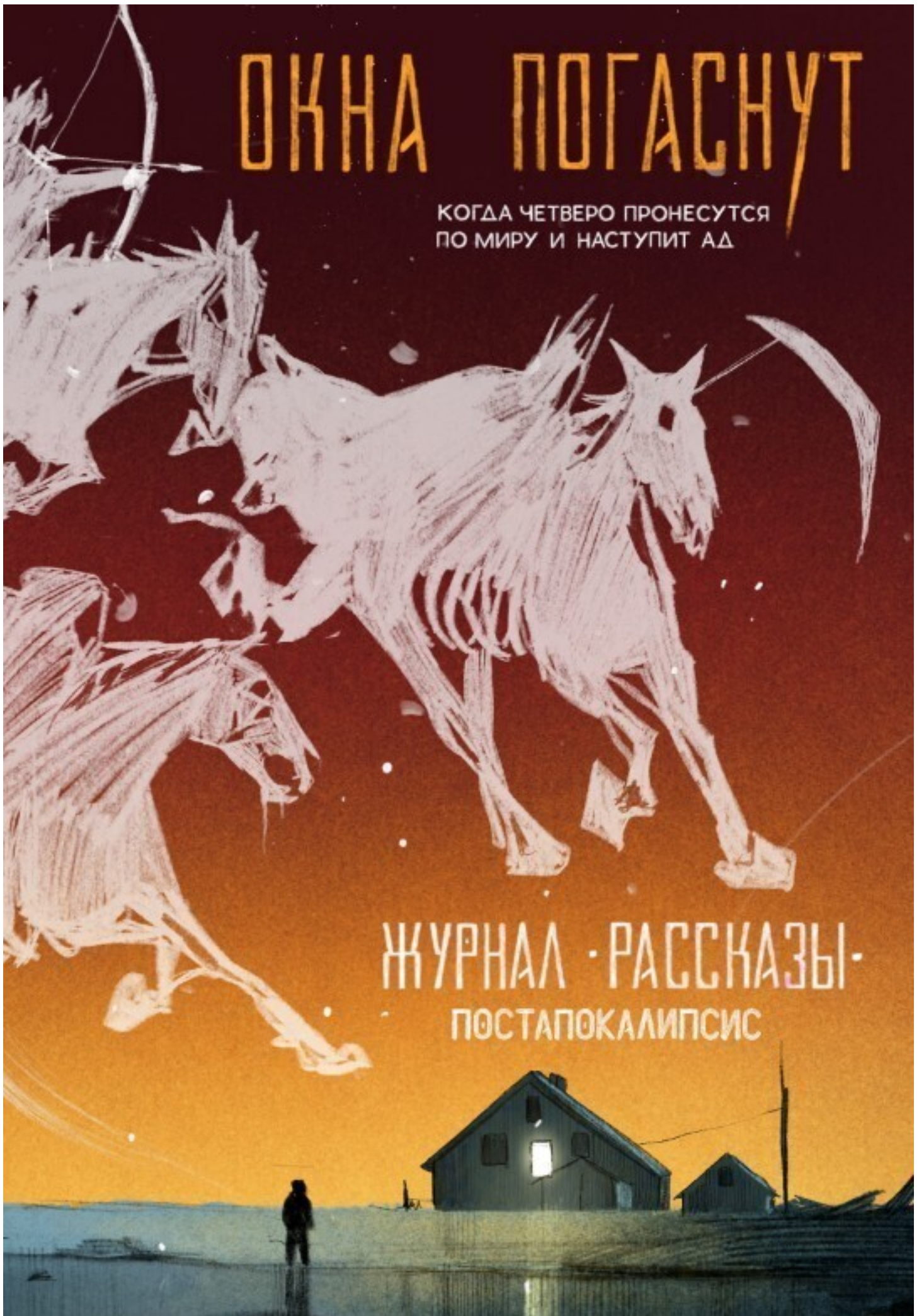

ОКНА ПОГАСНУТ

КОГДА ЧЕТВЕРО ПРОНЕСУТСЯ
ПО МИРУ И НАСТУПИТ АД

ЖУРНАЛ · РАССКАЗЫ ·
ПОСТАПОКАЛИПСИС

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Даша Берёг

Журнал «Рассказы».
Окна погаснут

«Крафтовая литература»

2024

УДК 821.161.1-344
ББК 84(2=411.2)64-445.1

Берег Д.

Журнал «Рассказы». Окна погаснут / Д. Берег — «Крафтовая литература», 2024 — (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6051398-0-5

Часы судного дня перевалили за полночь. Цивилизация погибла. Последние выжившие жадно цепляются за воздух, пищу, топливо... и друг за друга. Постапокалипсис – это реальность, полная страха и надежды. Это картина за гранью возможного, но порой – пугающе близкая. Что останется от мира, когда Четыре Всадника соберут свою жатву и все окна погаснут?

УДК 821.161.1-344
ББК 84(2=411.2)64-445.1

ISBN 978-5-6051398-0-5

© Берег Д., 2024
© Крафтовая литература, 2024

Содержание

Предисловие	6
Лев Рамеев	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Журнал «Рассказы». Окна погаснут

Литературное редактирование

Александр Сордо

«Ибо взнудан уже конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаню прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, – вам говорю: слепые!»

– «Пикник на Обочине», Аркадий и Борис Стругацкие

Крафтовый литературный журнал «Рассказы» 33

Авторы

Лев Рамеев, Даша Берег, Рита Красная, Яков Разливинский, Илья Монгилёв

© Крафтовая литература, 2024

© Коллектив авторов, 2024

Предисловие

Приветствую, друг. Закрывай дверь в убежище, присаживайся. Крысы почти дожарены, чай уже готов. Сейчас достанем грибного самогона и начнем рассказывать истории.

Но подожди торопиться. Поговорим о том, как все произошло. Мы все здесь из разных миров, у каждого был свой конец света. Нас объединяет то, что он не смог нас одолеть. Не убил в нас надежду, понимаешь? Ну, ладно. Подставляй кружку.

Мы всё гадали: каким он будет, этот загробный мир цивилизации? И главное – какой будет его новая надежда? Пока мы были еще живы, то могли фантазировать на эту тему, пугать друг друга рассказами о зомби-вирусах и ядерных грибах. Изощряться в остроумии, придумывая фантастические миры на краю взрывной волны. Размышлять о судьбе маленького человека на фоне большой катастрофы.

Помнишь, друг? Еще недавно постапокалипсис был в моде. Целые фантастические серии в цветастых обложках разлетались по полкам книжных магазинов безумными тиражами. Игры, книги и кино сыпались на нас, как огненный дождь. Все пылало интересом, каково это – жить в мире «Фоллаута», «Безумного Макса» и «Метро». Сейчас мысли об этом мире вызывают страх.

Ты не задумывался, друг, что человеческий разум – очень странная штука? Само слово «постапокалипсис» являет собой парадокс и оксюморон. Ведь Конец Света – это *буквально* конец. Точка, «выкл», титры. После него не должно быть уже *ничего*, иначе какой же это конец? Но человечество упрямо верит в выживание. В то, что конец никогда не наступит – и даже после титров еще будет какая-то сцена с пасхалкой.

Неспособность поверить в собственную гибель приводит иногда к ужасным последствиям. Безрассудство и безответственность губят человечество гораздо эффективнее вирусов и катаклизмов. «После нас хоть потоп», помнишь? Но, с другой стороны, будущее невозможно без настоящего. Поэтому так важно напоминать себе, как тот кесарь: «Помни, что и ты смертен».

Эти истории напомнят тебе о вкусе жизни. О чистой воде и сытной еде. О том, что большая катастрофа когда-то могла произойти, а могла и не произойти. Как бы ни было тревожно жить в сложный век на пороге коллапса, это все еще легче, чем жить в мире, где этот коллапс *уже произошел*.

Да, мы живем в непростое время. Хотя, если задуматься, бывало ли оно хоть когда-нибудь простым? Человечество пляшет на острие ножа уже больше полувека – с тех пор как атом перестал быть мирным. Люди пережили на своем веку немало катастроф – и до сих пор верят, что не последний день ходят по Земле. Что по ней еще будут ходить их дети и внуки. Что вода станет чище, озоновый слой укрепится, а хомо сапиенсы станут умнее и рано или поздно покинут колыбель цивилизации, повзрослев...

Эти истории – напоминание о том, что думать о будущем никогда не рано и никогда не поздно. Напоминание о том, что если *каждый* проживет сегодняшний день капельку правильнее, то, быть может, не придется нашим детям прозябать в пустошах, считая патроны и сухари.

Вирусы, природные катаклизмы, ядерная война, пришельцы, да хоть пробуждение Ктулху – не важно, как этот мир закончится. Не важно, к какому жанру ты отнесешь очередной сюжет о выживании: к научной ли фантастике или магическому реализму; навесим ли ярлык «драма» или «боевик». Декорации конца света обострят любой конфликт. И хотя все сейчас, от авторов до героев, будут балансировать на грани вымирания, напомню главное.

Эти истории – не о гибели и безнадее. Не о консервах и патронах. Не о вирусах, не о бомбах, не о катаклизмах и смертях. Они о надежде. И о людях, которые живут надеждой, даже когда последняя черта уже пройдена.

Заглянув туда, за край, мы увидим посреди мертвых пустошей настоящих себя. Мы спросим себя: кем бы я был там? Мародером? Топливным магнатом? Фермером? Или каннибалом? Хватило бы мне духу бороться за жизнь? А хватило бы человечности?

Нелегкое это дело – странствовать по угасающим мирам. Подставляй кружку, друг. Плесну еще.

И это... Удачного путешествия.

Александр Сордо, составитель

Лев Рамеев Окна погаснут

Лим

– Папа!
– Чего тебе, Тём?
– Кто такой зиат?
– А?
– Тот злой дядя с большими уками... он сказал, что он зиат.
Макс приобнял сына и тихо рассмеялся.
– Азиат же. Лим не злой. Просто так выглядит. Он мой друг.
– Нет, злой. Он обещал асказать сташную тайну и не асказал.
– Да ерунда, сына. Помнишь салют?
– Очень гомкий.
– Да. Очень громкий. Лим хотел рассказать, как делают такие салюты. Но это тебе и я расскажу. Завтра. А сейчас спи.

– Аскажи сейчас.
– Ну, только глаза закрывай.

Мальчик пяти лет повернулся набок и сделал вид, будто засыпает, а Макс принялся говорить, растягивая каждое слово на сказочный лад:

– Очень много пороху нужно для такого салюта. И светящихся звездочек. Отважные смельчаки идут в далекое-далекое путешествие и спускаются за порохом в... в пасть огромного дракона. А звездочки для салютов достают с самого верха неба...

Маленький Артем спал. Макс сел на кровати и тяжело вздохнул. Лим приходил неделю назад. Выпроводить его было трудно. Но все обошлось. Обошлось.

Макс закрыл детскую и вернулся в большую комнату. Жена лежала на диване, смотрела в потолок. Макс прошел мимо, не глядя, открыл окно и закурил. В голове пронеслось привычное и страшное: чик-чик, чик да чик. Семь раз.

С прихода Лима прошло полгода. Мальчик почти шести лет лепил динозавра из пластилина – очень уж он их любил. Мама мальчика, Варя, сидела рядом, но не вмешивалась. Тёма предпочитал все делать сам – выходило криво, но что-то править он не разрешал, довольствуясь плодами своих и только своих трудов. Он болел, и болезнь делала его детское лицо красным и опухшим. Сам мальчик не особо переживал по этому поводу, в детстве вообще легко живется что здоровым, что больным.

Макс копался в своем кабинете. Это и не комната была даже – так, четыре квадрата, украденных у общей залы.

– Мам! А папа скоо выйдет? Он обещал машину собать!
– Да, Тёма. Сейчас соберете. – Голос у Вари был размеренный, однотонный какой-то.
– Мам! А пошли гулять?
– Нет, тебе нельзя гулять, Тёма.
– Почему?
– Больным нельзя гулять.

Тёма мечтательно посмотрел в окно. Там солнце сияло и пролетал снег. Жаль, что нельзя.

Макс притащил доски, расчистил пол в детской от кучи полусломанных игрушек и принялся выпиливать нужные детали. Четыре двери, корпус, внизу дырка под ноги.

– А тебе место? – спросил Тёма, и Макс выпилил вторую дырку под ноги, чтобы бегать, изображая езду.

– А капот?

И Макс сделал открывающийся капот на дверных петлях, а внутрь засунул остатки старого вентилятора – вместо двигателя.

– А багажник?

И Макс сделал багажник, куда позже они вдвоем впихнули все игрушки с пола. А потом весь вечер бегали в этой машине, сбивали мебель, «уезжали» от погони. Тёма коленку сбил, но радости от машины, конечно, было больше, чем неприятностей. Радость вымотала и сбила с ног, и Тёма уснул почти сразу.

Вечером Макс курил в кухонное окно. Снаружи что-то гудело – наверное, потому что жили рядом с заводом, где Макс раньше и работал. Жена безучастно сидела за столом.

– Ты как? – спросил Макс.

– Вообще, все неплохо.

– Пусть будет неплохо. И все время-то он болеет... ой, е-мое... что скажешь? Чем лечить?

– Максим, он всегда болеть будет. Ты понимаешь?

– Конечно. Но... бляха. Детство – самое счастливое время в жизни. Самое, Варь! Если... – Говорить ему явно было тяжело, он путался и сбивался: – Если в детстве... короче, либо человек счастлив в детстве, либо не счастлив вообще никогда.

– Почему?

– Не знаю. Так как-то устроено... в детстве коли радости не было – потом уж не будет. Ну а если была – то и во взрослой жизни все горести нипочем. Я так думаю. – Макс затянулся. – У меня не было ничего такого, знаешь. Детства не было. Отец так бил, что... звезды из глаз. А мать спивалась и не жалела. Радости не было. Одна какая-то тупая и непробиваемая живучесть. Без эмоций даже. В общем, мы должны сделать так, чтобы у Тёмки было... чтоб, знаешь, счастлив и беззаботен, несмотря ни на что. Хотя... – Макс вдруг злобно сплюнул: – Кому я, на хрен, это рассказываю!

Дверь скрипнула, и на кухне появился заспанно-несчастный Тёма.

– Папа! Не угайся на маму!

– Да я ж не ругаюсь, Тёмка. Ты чего встал?

– Да вот. Не уснетя никак что-то. – И он смешно пожал плечами.

– Тёма, я с тобой полежу. – Безучастная Варя поднялась, подхватила ребенка и вместе с ним исчезла за дверью.

Макс курил долго. Слышал, что сын плакал. Плакал, плакал, но уснул. Тишина пришла, только гудение за окном ее нарушало. Оно, впрочем, не особо беспокоило – дело привычки.

Чтобы не разбудить ребенка, Макс лег в большой комнате. В очередной раз он подумал: «Лим сделал свою работу не очень хорошо. Япощка сраный, схалтурил все-таки. А может, лучше и не вышло бы».

Он уже закрыл глаза, он почти провалился в бессодержательный сон, когда его вдруг придавила мысль, и стало от нее пусто и страшно. «Макс, рано или поздно генераторы вырубят. Когда их вырубят – окна погаснут».

Тёма

Беззаботная у Тёмки жизнь шла, хорошая. Одно огорчало – нельзя гулять. Он, бедный, уж и не помнил толком, как улица выглядит. Видел, что у родителей серые лица. Слышал,

как они говорят про его, Тёмкины, постоянные болячки. Сам он не сказать чтобы плохо себя чувствовал. Игры побеждали и жар, и боль.

Если становилось скучно – вырубали мультики на большом телевизоре. Как-то, пока никто не видел, Тёма пощелкал каналы. Ему попались нудные серьезные дядьки с разговорами. И пустыни. Это было даже скучнее, чем просто сидеть без дела, и Тёма вернул скачущих котиков.

А папа как-то смотрел про солдат и взрывы. Тёмку очень впечатлил «самый большой взрыв на свете» (так папа объяснил). От него оставался дымный гриб. И Тёма теперь почти всегда играл в войнушку и лепил эти грибы направо и налево – то из пластилина, то из клочков бумаги.

Вот и сейчас, когда папа был на работе, а мама копошилась в соседней комнате, у Тёмки разворачивались целые баталии – на планету Кошкириус, подсмотренную в мультике, нападали злобные тенёты. Про тенёты когда-то говорила бабушка. Тёме это слово совсем не понравилось, темное оно какое-то, так что с названием злодейской стороны он определился быстро. А ведь всегда должна быть злодейская сторона, иначе как же. Хотя мама как-то пошутила, что злодейская сторона тут только он, сам Тёма, потому что именно он разломал три машинки и испачкал всю комнату тайком стащенной с кухни мукой. «Это же взыв!» – объяснял радостный Тёма, но убираться его все равно заставили.

И вот по атакованной планете поехали целые обозы беженцев – на раздолбанных гоночных машинах, на игрушечном уазике и вертолете без винта бежали плюшевые зайцы, резиновые ящерицы, динозавры, кубик по имени Рубик – да-да, и он был живой, хоть без ручек да без ножек. Злобные отряды тенётов высаживались с огромных легио-кораблей, десант пластмассовых солдатиков и пауков стрелял по обозам со страшным «пиу-пиу-бум», резиновые ящерицы разлетались в стороны, раненый плюшевый заяц падал под телегу, сделанную из гоночной машины без колес, а неуклюжий трицератопс бросался ему на помощь, отбиваясь от солдат и пауков. Легио-самолетики, они же космические корабли, сбрасывали бомбы, машины разлетались и ломались, от старого уазика отлетела дверца. Беженцы побросали вещи, загрузились в свой спасительный шатл, в коробку для белья, и тут...

И тут Тёма обнаружил, что гриб делать не из чего. Пластилин он перевел на кривого спинозавра, по кривости, то бишь по инвалидности не участвующего в военных действиях, ломать его было жалко. А бумагу после прошлого захламления от него спрятали в шкаф. Вообще, папа разрешал крушить и захламлять комнату, но папа-то на работе. Тёма подумал немного, оценил неутешительное свое положение и побежал к маме.

– Мама! Мам! Поиграй со мной! Надо взыв, взыв делать!

Мама на диване сидела и ничего не делала, хотя Тёма думал, что она занята. Мама вообще после лечения вела себя странно. Полгода назад мама упала посреди улицы. Тёма помнил, как папа объяснял: «Мама поехала на лечение, чтобы больше не падать. Через две недели вернется здоровая. Потерпишь?». Тёма, конечно, потерпел, но мама с тех пор другая сделалась. Уставала часто и просто сидела. И лицо у нее было грустное. А еще отвечала иногда невпопад. Папа призвал Тёму жалеть маму, и Тёма жалел, гладил ее по голове, лез обниматься. И не обижался, если та отдыхала.

Самое, конечно, грустное было, что после лечения мама неизвестно как обидела бабушку (ну ту, с тенётами), и бабушка уехала к себе домой и давно-давно уже не приезжала. Тёма слышал, как бабушка шепотом говорила папе: «Не буду я с такой жить под одной крышей». Тёма догадался, что это про маму. Плохо-плохо было без бабушки. Но мама все-таки лучше, даже если и устает.

– Из чего нам сделать взрыв, Тёма? – спросила мама, как бы приходя в себя. Будто спала долго и только проснулась.

– Ну из муки. Из муки же! – ответил Тёма, это же самая очевидная вещь на свете.

Из муки взрывы очень хорошо получались. Насыплешь кучу, хлопнешь громко – почти гриб выходил. Еще и вся «планета» потом в «пепле» – красота!

– Тёма, из муки нельзя.

Мама зависла на минутку, а потом выдала:

– Если тебе папа разрешает, хорошо. Но убираться будешь сам.

Счастливый Тёма согласился.

Мама, конечно, сделала все как надо – белая взрывная волна захлестнула всю планету, отчего планета сошла со своей оси (Тёма показал это прыжками на одной ноге с громким «ой» и падением понарошку – попе, впрочем, было больно совсем не понарошку, зато реализм!). Зайчики и динозавры успели спастись, а вот флотилию злобных тенёт разрушило. Осталась от войны только мешанина из муки и лего.

– Уборка? – спросила мама.

– Нет, мам! Тепей надо вызывать спасателей в костюмах! Они чистить будут! Бульдозом!

Мама помогла сделать костюмы химзащиты из цветного картона, Тёмка нарядил в них резиновых ящериц и одного лего-человечка и пополз игрушечным бульдозером чистить пол.

Бульдозер ехал сквозь белую пустыню, собирая в кучи пепел и обломки кораблей, и выехал в коридор между комнатами.

А там обнаружилось страшное! Заражение через порог проникло на неизведанные земли! Были эти земли неизведанными, потому что заходить в папин кабинет запрещалось. Но сейчас белое пятнище мучной пыли попало внутрь, под дверь.

Тёма на деревянных от волнения ногах повернул ручку. Конечно, дверь всегда запиралась, но вдруг... И «вдруг» случилось, дверь подалась вперед.

Тёма встал в нерешительности. Там, в кабинете, что-то гудело точно так же, как на улице, и жутко любопытно стало! Да ведь нельзя.

Мальчик осторожно заглянул в детскую, посмотреть, что же делает мама. Та монотонно и скучно подметала муку, ни на что больше не обращая внимания.

Тёма решился. Распахнул дверь, юркнул в тесное помещение. Дотянуться до выключателя не удалось, но здесь и так было светло – что-то мигало красным.

Тёма бросил бульдозер, тихонько обошел рабочий стол и оказался в крошечной мастерской, где свалены доски, детали от мебели, куча коробочек с гвоздями и шурупами. Между этим хламом был совсем узенький проход к стеллажу с инструментами, а вот из-за стеллажа, где по идее должна стоять стенка, пробивалось то самое красное свечение. И гудело за ним что-то, громко гудело.

Тёма испугался, но любопытство победило. На цыпочках сделал он четыре шага к стеллажу, заглянул за него и узнал, что неизведанные земли широки.

И далеки.

И огромны.

Там, за стеллажом, открывалось необъятное пространство. В темноте чудилось, будто уходит оно в бесконечность. Все это пространство забито было огромными мигающими ящиками. Тёма уж хотел ломануться к огонькам и ящикам, но со стеллажа что-то упало.

Тёма взвизгнул, обернулся и увидел папу. Тот явно разозлился, но улыбку на лицо натянул.

– Папа!

– Я же говорил, сюда нельзя, ты чего?

– Ну двей откылась! – Тёма обнял отца и весь в него вжался. – Двей откылась! Извини, папа.

– Да... сам я, выходит, виноват. Не закрыл, что ли?

Позднее выяснилось, что дверь-то он запирает, но вот замок предательски сломался, так что дверь открывалась, стоило лишь надавить на ручку чуть сильнее. А детское любопытство придает сил.

– Папа! Пап! А что там? – Тёма указывал пальцем в огромное сверкающее пространство за стеллажом.

– Да... – Папа мялся и не знал, как рассказать. – Серверная это, Тём.

– Что такое се... сел... – Тёма и выговорить не мог такое, – севелная?

– Ох... много компьютеров. И генераторы. Я просто... это для тепла. Чтобы во всем доме было тепло. И все-все соседи сюда подключены. А я это все ремонтирую, когда нужно. Такая у меня работа.

– А на аботу ты тада зачем ходишь?

– Там другая работа, Тём. Ты сюда не заходи больше, ладно? Опасно тут. Электричества много. Давай лучше... давай пойдём мультики посмотрим? Кстати, Тём... доктор говорит, тебе скоро гулять можно будет. Через неделю. Ты рад?

О, Тёма был очень рад, предвкушение уличных игр даже отвлекло его от открытия какой-то серверной. Ну работа у папы такая, скучные взрослые дела.

Маленький Артем сообщил новость маме и потянул ее на диван, мультики смотреть, – та поддалась, села рядышком, приобняла ребенка.

Папа щелкнул телевизор, но явно что-то напутал.

И вот на фоне флага монотонно вещает диктор в дорогом костюме: «Мирный договор был необходимостью. Стороны подписали новый пакт – о совместном контроле над территорией пу...». Папа давит на кнопку, не позволяя диктору закончить. На другом канале мужчина за трибуной надрывает глотку: «Вы говорите, все закрыть, все обрубить! Уму непостижимо! Ну какие же это паразиты? РФО – такие же наши граждане...».

– Папа! Ну пееключи!

И папа, чем-то очень обеспокоенный папа врубает яркий мультяк, странно и долго смотрит на маму и бежит курить.

Чернота

Тёмка считал дни до своей прогулки. Считать он благо умел, и умел хорошо. Через шесть дней можно на горку во дворе.

– Мама, а когда гулять?

– Через шесть дней, – говорила Варвара, и Тёма был доволен и скорым играм на свежем воздухе, и тому, что не ошибся.

– А дугие мальчики и девочки будут на кататься на гоке? – спрашивал он у папы, но тот загадочно пожимал плечами.

И Тёма мечтательно смотрел в окно с высоты третьего этажа – там была горка, и качели, и старое-престарое дерево с расщелиной в стволе, куда можно прятаться. На качельке веселился какой-то ребенок, явно младше и меньше самого Тёмы. Поговорить бы с ним!

Артем открыл окно и позвал мальчика, но тот почему-то не ответил. Наверное, из-за шапки не слышит. Тёма до сих пор помнил, что и сам на улице часто ничегошеньки не слышал из-за шапки.

Так тянулся день. Подбежит Тёмка к окошку, проверит, что мальчик на месте, и айда в комнату дальше свои дела делать. Покатает машины полчаса (от восторженности другие игры не шли, и даже войнушка не шла) и снова к окну, а там уж мальчик в сугробы закапывается или снеговика неумело лепит. А снеговик рассыпается – видимо, снег не липучий, не такой, какой нужен.

И мама мальчика бежит к нему, запускает руки в перчатках в снег, пытается помочь. Но и у нее снежки не лепятся – видно, и правда ну совсем не липучий сегодня. Тогда мама и мальчик играют в догонялки. Ребенок бежит медленно, запинаясь, валится в сугробы. Тёмка видит, что мальчику смешно, по лицу видит, но звука смеха почему-то нет.

Вообще-то, никогда не было с тех пор, как они переехали – он это сейчас понял, а раньше как-то и не задумывался. Нет и нет – значит, надо так.

Не успел Тёмка осмыслить свое открытие, как небо дважды мигнуло. Странно это было – небо в секунду стало черным, потом вернулось солнце и ясный день, и вновь небо стало черным, и вновь вернулось солнце. Только мальчик с мамой куда-то делись. Тёма знал, что такое затмение, знал из мультиков, и решил, что это оно.

Вечером он рассказывал о затмении папе, тот хмурился и очень много всего спрашивал: как долго длилось это затмение, совсем ли было не видно солнца, что еще происходило и прочее, прочее. Тёма понял, что папа испугался, и оттого сам испугался тоже.

Они обнимались, успокаивали друг друга, мама пришла и тоже их обоих обнимала, а потом приключилось кое-что необычное. Гул затих. Ночная холодная тишина с непривычки оглушила.

Папа с бледным лицом кинулся в кабинет. Тёма – к окошку. А в окне не было больше ни горки, ни качели, ни старого дерева. Там была какая-то непроглядная, сырая чернота...

Тёма выл, выл и орал во всю глотку, от страха и оттого, что его обманули, и никакого двора нет, и гулять тогда незачем. Варя таскала его на руках и убеждала, что это все понарошку, это все от болезни привиделось.

Вернулся гул, и вернулась ночь за окном, со звездами и туманом, только Тёма не успокаивался. Детское горе вообще настоящее. Он выл и выл и уснул от бессилия.

Папина работа

Макс проснулся рано, как всегда. Без будильника, по привычке. Минут десять тупо сидел на краю дивана, без движения. Голова была пуста и тяжела.

Поплелся лениво в ванную, заставил себя умыться холодной водой. Вода текла желтая. «Фильтр надо менять», – подумал Макс и посмотрел в зеркало. Оттуда на него глянуло изможденное старое лицо в серовато-седой щетине. А глаза впалые и черные – и по природе, и с тоски.

Макс оделся, покурил по обычаю в кухонное оконце.

Вышла Варя. На нее Макс поглядел с опаской и сказал:

– Сегодня давай без происшествий. И так все по швам расползается.

– Ты просто устал.

Варя тронула его за плечо, желая приободрить, но Макс отдернулся и как будто испугался. Варя никак на это не отреагировала, спокойно принялась делать кофе.

– Дальше строить?

– Да, – ответил Макс после очередной жадной затяжки. – Только Лима сначала проведу.

Не глядя на жену и отказавшись от кофе, он вышел в коридор, обулся и скрылся за дверью.

Привычные декорации подъезда.

Макс стоял на бетонной площадке с перилами и смотрел на лестницу, ведущую вниз. Только он знал, что никакого второго этажа там нет – там хранилище и тупик, утыкающийся в земную твердь. Другая лестница, которая, по легенде (для ребенка, все для ребенка), вела на четвертый этаж, на самом деле вела к лифту и дальше, на поверхность. Лифтом последний

месяц Макс не пользовался – механизм стал заедать, а починить руки не доходили. Он и так чинил слишком много – генераторы, серверную, небо, весь крошечный мир.

Их «квартира» уходила вглубь на шесть метров. Пять семьдесят, если точнее. Всего-то два этажа прошагать. На кой ляд вообще нужно было городить здесь лифт? Но бункер начинал строить Гриша, и никто не знал, что творилось в голове у Гриши. Вот Гриша лифт и выдумал, а Макс с семьей уж довольствовались тем, что досталось.

Ну, Гриша, конечно, был чокнутый. Есть такие параноики – консервы тоннами скупают, запасы делают на случай конца света. Вот такой он и был. После первых же упоминаний о войне принялся бункер рыть под заброшенным полигоном. Вроде как наследство получил да и пустил все на это детище. Ну и с завода, где они работали, много чего натырил. Его бы, наверное, даже посадили, если б не Инвестор...

Вообще-то, многие к строительству подтянулись. А Лим... Лим тогда не строил. Лим считал всю эту свору «строителей бункера по вечерам» долбанутыми. И Макс считал, но все-таки строил. Договорился, что можно будет потом сына приводить, и строил как большой аттракцион. Аттракцион стал жизнью, сына он привел навечно.

Макс поднялся на нулевой уровень, со скрипом открыл тяжелую герметичную дверь и оказался в помещении, которое они с мужиками некогда окрестили отстойником. Уж наверняка писатели-фантасты называли такие вещи покруче или, может, более научно, но Макс-то с мужиками кто – работяги, не до зауми. Может, Лим бы помог назвать более вычурно, Лим не был простым рабочим. Но Лим поначалу не участвовал. Лим вообще думал, что в случае чего сумеет убежать на родину.

В отстойнике размещалась душевая, и Макс помылся, хотя обычно делал это после возвращения с поверхности. Тут же стоял убитый в хлам кухонный стол – старый, советский. На нем пепельница, вполне живая микроволновка, бесконечный завал блоков сигарет (хотя эти заразы подходили к концу, видно придется все-таки бросать).

Макс сел за стол, снова закурил. Он страшно ссутулился – немудрено, весь верхний мир давил ему на плечи. Тревожно было, а в голове пустота. «Нет, – подумал он, – все-таки сраный япошка мог сделать лучше».

Затушил окурок, раздавил его о дно пепельницы в труху и вошел в следующую дверь, сразу за душевой. Здесь висело несколько РЗК желтого цвета и кислородные баллоны. Наверх, к люку, вела лестница. Макс переоделся в защитный костюм, открыл люк и вылез наружу.

Над ним громоздился заброшенный склад, где когда-то хранились материалы для обеспечения полигона. На этом полигоне испытывали технику, которую и сам Макс, и все «строители бункера по вечерам», и еще множество безвестных людей создавали на местном оборонном заводе. Военную технику, в основном самоходки, но было и что поинтересней. Этим «поинтересней» в секретной части предприятия как раз Лим и занимался. Точнее, он это возглавлял.

Путь до места, где сейчас Лим, был не очень близкий – около часа ходьбы в одну сторону. Сразу за границей полигона.

Макс осмотрел склад – просторное помещение с потолком на уровне двухэтажного дома, обшитое металлопрофилем, серое и тусклое. Под ногами мусор и осколки. В отдалении вход в еще одно убежище. Там, впрочем, не жил никто, да и убежища под вторым люком уже не было, одни развалины. Гриша строил на свои, так что первоначальный бункер на семнадцать семей (именно столько было строителей) делали, что называется, из говна и палок. Наследство, конечно, хорошо, но оно не особо спасало. Деньги ушли на то, чтобы выкупить саму землю.

Проблем не было только с котлованом, который Гриша вырыл в одиночку за неделю собственным экскаватором. Потом в ход пошли самые дешевые материалы, пустотельный бетон, ржавые трубы.

Через пару месяцев строительства кое-что поменялось. Появились деньги. Коммуникации быстро заменили, озаботились внешним видом и системой виртуальных окон для имита-

ции улиц (чтоб детям было комфортно, и это тоже Гриша предложил, хотя, как позже стало понятно, и не Гриша вовсе). Рабочие допытывались, конечно, откуда деньги, но Гриша отшучивался – богатого инвестора, мол, нашел.

А потом выяснилось, что и вправду нашел. Какой-то сумасшедший, разбогатевший на виар-технологиях (то ли на разработке, то ли на продвижении на отечественный рынок – уж этого никто толком не понимал), вложил деньги в это сумасбродство. Кажется, он тоже был из долбанутых, завсегда для форумов выживальщиков с бомбоубежищем под собственным особняком. Эти виртуальные окна он же и выдумал. Вроде как пилотная версия бункера с щадящей средой, комфортной для жизни и восприятия, – чтобы делать вид, будто ничего не произошло и жизнь идет прежняя, беззаботная.

Вот и вышло, что под складом появилось два спуска: один вел в полноценную имитацию квартиры, созданную по заказу Инвестора, а второй – в общий бункер, более тесный, менее красивый, чисто для выживания в суровых условиях. А как взрыв грянул – вся эта конструкция на дешевом полулегальном бетоне просто обвалилась. И под собой похоронила почти всех «строителей бункера по вечерам». Кто-то позже сумел выбраться. Но судьба их была незавидна.

Макса при осмотре склада второй люк, конечно, не волновал. Его волновал купол, возведенный неподалеку от второго люка – там Макс обустроивал подобие их старого двора, чтобы наконец-то погулять с сыном. Горку дома не поставишь, верно же. Работы оставалось не много, напрягало только, что бугристая серость, тянущаяся по всем стенам склада, пустила несколько корней и на купол.

Макс руками в защитных перчатках сорвал эти уродливые пульсирующие ростки. Из них потекла жидкость, похожая на густеющую кровь.

– Макс, здорово!

Это прозвучало сзади. Макс обернулся и увидел перед собой одного из тех, кому удалось выбраться из рухнувшей части бункера.

– Привет-привет, Лёх.

Вряд ли, конечно, появившуюся фигуру можно было назвать Лёхой. Скорее это было человекообразное продолжение серых бугров, ползущих по стенам. Руки вроде были на месте, темно-серые, опоясанные вспухшими венами, вместо ног тянулось что-то улиточное, и несколько тонких жил через все помещение крепились прямиком к буграм на складских стенах.

– Лёх, я ж вас всех просил – не надо мой купол гадить. Это для ребенка.

– Макс, ну тут сам пойми... по отдельности мы всё сообщаем, но как единая штука мы безмозглые...

– Ну ты-то всегда безмозглым был, – пошутил Макс.

Серое месиво издало глухой смешок и продолжило:

– Да-да-да. Мы, слесаря, вообще тупые. Так это... клетки делятся бесконтрольно, ты давай уж сам чисти, убирай, отрывай... Ты знаешь, затягивается у нас все мгновенно.

Вот она, раковая форма жизни. Или раковые формы организмов, РФО. Такие же наши граждане, как говорили по телеку. Как какой-то сраный мегамицелий, ей-богу (Макс играл, Макс помнил).

Никто особо не понимал, как эта ерунда на свет появилась. Вроде от радиации один больной в местном хосписе переродился в огромную опухоль, которая постоянно росла и мутировала. Всех раковых больных она мгновенно заражала, принимала внутрь себя и уж не отпускала больше. Но сознание каждого отдельного человека в ней сохранялось, а вот была ли эта растянувшаяся через весь город «грибница» разумной в качестве единого организма – неизвестно. Да и вообще, черт разберет, как это работало. Просто в любой момент из этих серых

бугров могло выползти переплетение щупалец с подобием головы и рук и представиться твоим знакомым. Жутковато, но Макс привык.

Из обвалов бункера выбралось пять человек. Лёха, слесарь с завода, раком заболел за год до катастрофы, и РФО его тут же приняла как родного. У его маленькой дочери, вероятно, мгновенно развился рак из-за воздействия ионизирующего излучения. Трое остальных выживших в обвале просто умерли от лучевой болезни. Прямо здесь, их трупы до сих пор валялись позади склада. Никто им не помог – некому было.

– Дядя, а я тозе тям буду игать?

Это появился другой серый сгусток и представился дочкой Лёхи. В прежней жизни они с Тёмой были ровесниками. А сейчас она не росла – ее речь не менялась, новых навыков не появлялось. Это наталкивало на мысль, что никакого настоящего сознания людей в раковой форме жизни не остается – так, отголоски чьей-то нервной системы, которые отомрут и заглохнут, как только клетки достаточно сильно перемешаются с общей массой. Хотя, может, это просто ползучий рецепт вечной молодости и сознание действительно жило внутри серой массы, просто не развивалось.

– Слушай, Катюх... Тёмка – он не такой, как вы. Вас нельзя сталкивать. – А про себя Макс подумал, что вот сын же вечно требует других детей. Чего бы и нет? Защитный костюм – и ну кататься с не пойми чем. Наверное, ему это было бы весело.

Конечно, такие мысли Макс быстро душил. Он строил вокруг сына старый мир, старый дивный мир, и ни о чем другом не думал.

– Жалко. Я бы хатела тям игать.

– Давай, знаешь... мы с твоим папой тебе тут горку забабахаем, хочешь?

– Дя.

И отрок с голосом девочки бешено задергался во все стороны – видимо, от детской радости.

– Зря ты тут построил, – сказал «Лёха». – Столько сыну придется объяснять...

– Ну не было внизу места! Сам уже всего себя извел. Ну не было! Скажу, что дом наоборот перевернулся, не знаю...

– Ему ж шесть, а не четыре. Не поверит.

– Ой, отстань! Не трави душу. Главное – соединить, чтобы галерея была от люка досюда. У нас не оставалось баритовой штукатурки?

– Да пес ее знает. Разве что вон, в развалинах. – «Лёха» немного отполз в сторону второго люка, как бы указывая на него.

– Надо найти. Только я... знаешь, к Лиму схожу. Хотя кому я это опять...

– Не гони. Много раз уже обсуждали – это я, Лёха, и пофигу, как мы выглядим. Чего тебе к Лиму? Душа требует?

– Вроде того.

Макс вышел на свет. Перед складом стояло штук пятнадцать искореженных автомобилей и шесть вполне исправных. Бензин в них кончился – надо было искать новый, ездить никуда пока не приходилось, и Макс пошел пешком. Через выжженный полигон к вышкам охраны и дальше, через двойной забор.

А за забором простиралось то, что по телевизору называли Пустошью – остатки пригорода. От застройки, выросшей вокруг оборонного предприятия и секретной лаборатории при нем, остались полуразрушенные здания с выбитыми окнами и черными от копоти стенами, кучи обломков, вывороченный наизнанку асфальт. И несколько ссохшихся трупов. От самого города в отдалении и вовсе осталась воронка. И трупов никаких там не было – взрыв своих покойников забрал с собой, буквально расщепил их на атомы.

Да, ядерная война была страшна. Но, пожалуй, не так страшна, как писали фантасты. Около полусотни городов по всему миру превратились в руины. Стало холоднее, на улице и вправду была зима. Летом. Хотя и не шибко лютая – минус пять и редкий снежок. Во всех крупных городах удары были отражены. Поговаривали, например, что в Москве вообще помнят разве что световую вспышку. Несколько десятков человек ослепли, но в целом там живут как раньше. Чуть беднее, чуть скромнее, но это мелочи.

Крупные очаги радиоактивного заражения окрестили Пустошами, всего их появилось пять по миру. И правительства, враждующие вчера, сегодня уже подписывали пакт о совместном контроле за такими очагами. Это, конечно, были огромные площади. Макс оказался посреди Пустоши, простиравшейся от Хабаровска до самого Урала. Непосредственно взрывы разрушили лишь четырнадцать городов, остальную территорию накрыло радиационным облаком. Его как-то контролировали, не давали идти дальше, на «живые» земли, – Макс в этом не разбирался.

Через неделю после того, как долбануло, восстановилось телевидение. Там обыкновенные люди в пиджаках демонстрировали обычную жизнь и рассказывали про мирные соглашения, про совместные действия. Кто-то без зазрения совести признавался, сколько заработал на произошедшем. Кто-то доказывал, что это принесло пользу. И не важно стало, кто ударил первым. И не важно стало, кто чьи интересы защищал.

Макс отыскал закуток между двумя разрушенными зданиями – там он после войны обустроил импровизированное кладбище. Там земля хорошо шла. И было-то всего три могилы.

На одной стояла деревянная табличка из горелого обломка с надписью «Лим Чэнь». Дата смерти – через месяц после бомбардировки.

Накатило что-то на Макса, нахлынуло – стащил он с головы защитный шлем, сел на каменный обломок возле могилы и затянулся – очень уж курить захотел. Да, Лим тогда совсем раскис, после взрыва. На родину хотел. Макс не такой был – очень быстро принялся строить, чинить, латать, создавать рай на земле вокруг сына, и весь рай-то – просто как прежде, ничего больше. Как прежде, солнце за окном, как прежде, люди во дворе, хоть и на голограмме. Живучесть. Непробиваемая и тупая живучесть Макса, проявившаяся в детстве, заставила его работать и цепляться за осколки старого мира.

– Лучевую болезнь захотел?

Макс обернулся.

– А... ты уж и сюда дополз, падла, – сказал он беззлобно.

– Надень шлем.

– Да. Курить захотел, Лёш. Просто курить.

– Дело привычки. Макс, а ты как, вообще, по ночам хорошо спишь?

– Не жалуюсь.

– С Лимом... зря ты, Макс.

– Ну-ну, сейчас буду перед навозной кучей оправдываться. – Макс надел шлем. – Извини.

Просто этот япошка сраный плохо сделал свою часть работы.

– Сделал, как мог. Ничто не вечно, ты знаешь. И, Макс... я тебе все пять лет, что мы с Лимом работали, говорил одно и то же. Китаец он. Ки-та-ец, Макс.

– Да разница какая? Мертвый он, вот в чем суть.

Раковая форма жизни уползла. Макс посидел еще немного на обломке, выдохнул тяжело и больно и на негнущихся ногах подошел к другой могилке. Это мама его. Для Тёмки – бабушка, которая уехала домой. А может, и вправду домой – кто знает. Но Макс, конечно, в загробную жизнь не очень верил. В нее мало верится посреди Пустоши. Еще меньше верится в людей. А в себя... в себя вовсе не верится. Ты-то всегда знаешь, какая ты гниль. Никто не

знает, можешь прикидываться заботливым отцом и добропорядочным строителем. Но сам ты всегда знаешь.

И к третьей могиле подошел Макс, и разревелся. Там даже настоящее надгробие вкопано было. И было на нем неумело и неаккуратно высечено «Варя моя».

Варя

Макс шел обратно через пустынный пепельный полигон. От химзащиты он вспотел, но снимать ее на улице больше не планировал. Вообще не стоит поддаваться минутным приступам отчаяния, думал он. Рядом ползло то, что называло себя Лёхой, и со всех сторон к нему тянулись серые жилы, вспахивая землю.

– Макс, – говорило оно. – Ты не думал, что дальше?

– Нет никакого дальше.

– Люди живут. За Чертой до сих пор живут нормально.

– Но нам путь туда закрыт.

– А ты пытался? Знаешь, Макс, по-моему, ты слегка помешался. Ты зачем все это настроил? Горку, двор? Думаешь, твой сын будет счастлив?

– Он болеет.

– И ты уверен, что его не вылечат там? Макс, у тебя два варианта. Всего два. Но ты уперся в создание иллюзии старой жизни посреди пустыни. Ты помнишь последние дни стройки? Мы думали, всему миру каюк. Мы строили это, потому что думали – всему миру каюк. Но это не так. А у тебя... вроде как затык, Макс.

– Он болен, – повторил Макс и дальше шел уже молча.

Внутри склада он осмотрелся, прежде чем поднять люк, зыркнул недобро на серые бугры, представляющиеся маленькой девочкой и бывшим сослуживцем, и сказал:

– Отползайте.

– Макс, да мы... – начал было Лёха, но Макс его перебил:

– А ну отползли все! И купол мой не смейте трогать!

Раковая форма жизни послушно скрылась в развалинах второго бункера, и Макс спустился в свое убежище.

Душ, перекур и быстрее вниз, быстрее к Тёмушке.

А Тёмушка вжался в угол, спрятался за тумбочкой и сидит ни жив ни мертв. И трясется.

– Ты чего здесь? – Макс схватил сына на руки.

Тот глянул на него мутно и спросил:

– Папа, ты настоящий? Ты настоящий папа?

– Да, да, – сказал Макс рассеянно и так, с ребенком на руках, ломанулся в комнаты.

– Там... – прошептал Тёма и заплакал.

Варя сидела на полу в кухне, вращая глазами. Нижней части лица у Вари не было, а была белая пластиковая челюсть на шарнирах, вмятина сбоку и куча шестеренок под кожей. Некоторые шестеренки валялись на полу, гнутые, ломаные, и Варя механически пыталась их собрать и вставить обратно в свое лицо.

– Нарушение целостности, – говорила Варя. – Нарушение целостности. Нару...

Макс поставил трясущегося Тёму на ноги, подошел к роботу, дернул у того что-то в шее. Робот поник и вырубился.

– Ну вот... вот, – невнятно сказал Макс и развел руками. К сыну не подходил. Вообще не знал, что делать. А Тёма все повторял и повторял:

– Ты мой настоящий папа?

Полулегальная стройка вскоре превратилась в настоящий инвестиционный проект, а «строители бункера по вечерам» – в нанятых рабочих. Инвестор давно уже искал случая проверить свою технологию «семейного убежища». Но, как любой фанатик, он искал не исполнителей, а единомышленников. И нашел в лице Гриши.

С любительской стройкой второго бункера закончили быстро и полностью переключились на воссоздание проекта безумного богача. Полная имитация старой жизни, одна двухкомнатная квартирка почти стандартной планировки под землей и бесчисленное множество помещений и технологий, имитирующих реальность вокруг. Почти – поскольку необходимо было сделать аварийный вход в серверную для экстренных настроек погоды, подачи тепла, температуры воды, картинки за окном. Так появился «папин кабинет», скрывающий вход в огромную серверную и генераторную.

Эти два помещения занимали такую же площадь, что и сама «квартира». Хранилище на двести квадратов ярусом ниже – запас питания и прочих материалов на пятьдесят лет вперед. Еще одно столь же огромное помещение для сохранности этого самого питания. Там же были котельная, выходы всех коммуникаций для обслуживания, контроллеры систем подачи воды и очистки и подачи воздуха, доступ к канализации (подключились к общегородской).

Лим, глава отдела интеллектуальных систем на их заводе, присоединился к проекту. Все они, все семнадцать строителей и Лим, подписали бумаги о неразглашении.

Война в мире стала делом привычным. И к завершению строительства уже никто, кроме Гриши, не боялся ядерной войны всерьез. Люди привыкли. Люди ко всему привыкают.

Инвестор принялся искать одобрения своего проекта в официальных кругах. Стройка была практически завершена, оставалось доработать систему виртуальной улицы, чтобы не сбоила, и провести испытания. На этапе испытаний, конечно, всем рабочим перекрыли бы доступ к проекту, вот только не дошло ни до каких испытаний.

Вновь об угрозе вспомнили за пару недель до взрывов. Резко сменилась телевизионная риторика – сытые ведущие стали говорить о том, что это необходимо, что апокалипсис предрешен самим Богом, что он красив и величественен.

Макс гнал от себя пугающие мысли, и жена его тоже. Жизнь шла и шла своим чередом, пока однажды не взвыла воздушная тревога. Ледяной голос с черного телеэкрана по всей стране транслировал одно и то же: выпущены боеголовки, запас времени двадцать семь минут, отыщите ближайшее убежище.

Так началась ядерная война. Пугалка из сомнительных антиутопий и дорогих блокбастеров стала явью.

Макс, внезапно собранный, соображающий, безэмоционально-живучий Макс погрузил в машину свою мать (они жили вместе с тех пор, как отец Макса умер), жену и пятилетнего сына и погнал в сторону бункера. Он знал, что половина подвалов заперты и никто не успеет их открыть. Знал, что в подвале можно и не выжить, попав в эпицентр ядерного взрыва. Знал, какая толкучка сейчас начнется на подступах к подземным бомбоубежищам. Да их и было-то два на весь город – никто всерьез к апокалипсису не готовился. Ну, кроме Гриши, кроме благословенного Гриши и Инвестора с прибабахом, дай бог им выжить.

На улицах творился какой-то ад. Люди бежали, люди обносили разбитые витрины магазинов. Впрочем, Макс заметил, что в магазинчике на углу продавец раздавал продукты сам. И груженные баулами жители бежали от него к близлежащим подвалам, надеясь там пережить катастрофу.

Крики, шум, столпотворение, ужасные заторы на дорогах. Водители сигналили как безумные. Несколько машин упали с виадука, через который надеялся проехать и сам Макс. Но проехать было невозможно. И все бросали свои автомобили и бежали, бежали что есть сил, в панике, не разбирая дороги.

Макс тоже решил бежать. Благо полигон начинался сразу за мостом, и склад, скрывающийся под собой убежище, находился у ближайшей границы полигона. Его мать бежала первой, страх придал ей силы, несмотря на возраст. Сам Макс бежал с Тёмой на руках и потому немного отставал.

Варвара, испуганная и хлипкая, никогда не способная к борьбе, еле за ним поспевала. На спуске с виадука она угодила носком в решетку водоотводного лотка, крошечный размер обуви сыграл с ней злую шутку, ведь и вся Варя была тоненькая и миниатюрная. Да, Макс инстинктивно выбирал женщину, которую нужно защищать, но защитить в итоге не сумел.

Она подвернула ногу и упала на землю. Макс и сейчас это помнит урывками.

Крик Тёмы:

– Мама! Мама!

И Тёма бьет Макса крошечными кулачками по спине с требованием вернуться за мамой. Макс, тяжело дышащий, с залитыми потом глазами, загнанный, сосредоточенный, бежит, бежит и ускоряется. Он кричит на ходу:

– Подвал! Любой подвал!

Варя исчезает, Варю скрывает трепыхающаяся от паники толпа.

– Тёма, – сбивающимся, всхлипывающим от усталости голосом говорит Макс. – Мама... нас догонит. Мама... спрячется в другом месте. Мама...

У Макса толком и времени не было осознать, что он сделал. Инстинктивный выбор – спасай себя и потомство. Живи, любой ценой живи.

Тёма в его руках бьется в истерике, дергается во все стороны, детский гнев огромен. Макс сжимает его так крепко, что делает больно. А ребенок орет навзрыд, орет на второй громкости, до отрицания себя, кажется глаза вот-вот лопнут:

– Мама! Мама! Мама!

У полигона их ждет бабушка. Она не знает, куда идти. Макс показывает ей лазейку в заборе, еще несколько человек видят это и следуют за ними. У таких последователей нет плана, совсем нет, – эти бегут, чтобы к кому-то прибиться, чтобы спастись с кем-то.

На подходе к складу все и происходит.

Гремит далеко, в самом городе, в центре, но мир все равно озаряется слепящей световой вспышкой на несколько секунд. Воздух вокруг рвется в клочья, и дует ветер – бешеный горячий ветер. Макс видит, как у мужчины, бегущего рядом, сама собой загорается одежда. Повсюду взрывается бензин в машинах. Макс толкает ослепшую мать внутрь склада, Макс бежит, ему даже страшно смотреть на притихшего Тёмушку – ослеп, умер, переломало кости волной, потом, все потом, главное – добежать.

У Макса не было доступа в «семейное убежище», его отобрали на этапе завершения строительства. Макс бежал в общий бункер. Но краем глаза на лету он видит опускающийся люк именно «семейного убежища», он орет что есть мочи, надрывая всего себя изнутри: «Жди! Жди!..»

И вот он у края люка. Он бросает ребенка в чьи-то руки, он не соображает в чьи, прыгает сам, падает, съезжает задом по лестнице, кого-то сталкивает вниз, успевает схватить мать, буквально роняет ее (потом, все потом, разобьется о бетонный пол – черт с ним, черт с ним!), закупоривает люк и не верит, что смог. Он дышит. Дышит, главное – дышать. Оглядывается. У его матери разбита голова, но старуха жива. Жива и плачет. Тёма, ошалелый, безумный от грохота и света Тёма с ожогом под глазом таращится во все стороны и ничего не соображает. Его держит Лим.

– Почити готоуо, – объясняет Лим, коверкая слова до неузнаваемости (русский он знал хорошо, а вот акцент подводил). – Почити готоуо. У хиланилище есть запасы на тли года.

Тёма спит и похож на покойника. Мать Макса что-то напевает – она как будто слегка тронулась.

Лим спокоен. Пока еще спокоен.

– Гиде твоя Уаля? Жена?

Макс в ответ глядит молча и дико.

Лим все понимает, и он все еще спокоен:

– Не надо голеуать. Она сплячеса в подиуале, уидишь. Не надо голеуать.

Потом Лим ушел жить в отстойник.

– Уам надо пиливикнуть к обситануоке, – сказал он. – Побудьте своей семьей.

Конец света случился в три часа дня. Тёмка проспал беспробудным, провальным сном весь день и всю ночь и проснулся только в полдень. Макс принялся было его успокаивать, но Тёма просто потребовал завтрак и спросил, когда мама вернется с работы. Спросонья он даже не понял, что не дома. И Макс догадался, что день, когда мир рухнул, вылетел из детской памяти – не было его. Тогда он рассказал, как привез Тёму спящего в их новую квартиру, а мама будет чуть позже. Хотя где брать маму, он пока не знал и принялся судорожно обдумывать версии.

Потом мальчик вспомнил, как мама упала посреди улицы, но без подробностей, и Макс выдал:

– Маме плохо стало. Мама поехала на лечение, чтобы больше не падать. Через две недели вернется здоровая. Потерпишь?

Тёма согласился. Собственный ожог под глазом его не очень беспокоил. Через два дня ожог разболится, с него слезет кожа кусками, и Макс расскажет Тёме, что тот заболел вместе с мамой, поэтому на улицу ходить очень долго будет нельзя. Ожог затянется со временем, но Тёма и вправду начнет постоянно болеть.

Макс, когда врал ребенку, надеялся отыскать Варю в каком-нибудь подвале и привести сюда. И на третий день после катастрофы они с Лимом влезли в РЗК, вооружились инструментом и вышли. Первое, что они увидели, – три трупа рядом со входом во второй бункер и сами развалины. Люк треснул и провалился, под ним начиналась горелая каменоломня. Трупы отнесли за склад – это были их бывшие коллеги и, как тогда казалось, единственные, кто сумел выбраться из-под обвала.

Начались долгие поиски выживших. Поначалу пешком, поскольку машины на поверхности разбиты вдребезги. Эпицентр взрыва, по расчетам Лима, был километров в пятнадцати от склада, но взрывной волны хватило, чтобы разрушить часть зданий, спалить все горячее в округе и выжечь землю.

Позднее они обнаружили несколько уцелевших автомобилей на одной из подземных парковок, а бензин раздобыли на придорожной заправке дальше от города – туда разрушения не дошли, хотя все было так же пусто и мертво. Несколько желтых тел на улицах намекали, что радиоактивное облако протянулось гораздо дальше пригорода.

Еще Макс обнес магазин детских товаров – точнее, то, что от него осталось. Надо же было Тёмушке во что-то играть. Во избежание расспросов Макс соврал, что старые игрушки потерялись при пересылке.

Нашли и Варю. В подвале жилого дома, совсем близко к виадуку. И еще несколько десятков тел вместе с Варей.

– Плими мое сочуситивие, длуг, – сказал поникший Лим, но Макс, обезумевший Макс думал лишь о том, что сказать сыну. И воспаленный его мозг выдал идею – маму ребенку можно вернуть.

– Лим. Сделай Варю, – попросил он как-то наивно и совсем по-детски.

– Пилиди у себя, Максис. Это неуозможино. Ласскажи все сыну.

– Нет, Лим, послушай, нет! – Макс уже целиком был заражен своей идеей. Идеей построить маленький старый мир. – У вас же есть эта... у вас в лаборатории есть ШАПА!

ШАПА, как ее назвали создатели, она же Шагающий Адаптивный Помощник-ассистент – типичный проект для пускания пыли в глаза. Лим, как специалист из Китая, изначально был приглашен ради ее создания. Оборонный завод, на котором все они работали в мирные времена, проектировал роботов для военных нужд – в основном гусеничных манипуляционных роботов, которые уже не первый десяток лет служат человечеству в качестве подсобных механизмов.

Для привлечения инвестиций разработали лишь одного человекоподобного робота, по сути – голосового помощника на ножках с функцией принеси-подай. Руководству предприятия не давали покоя лавры зарубежных компаний, которые уже давно воплощали подобные эксперименты в жизнь. Вообще-то, и технологические возможности по созданию такого робота существовали давно, правда, из отечественных составляющих там была только искусственная кожа с уральского завода.

Робот вышел страшноватый, воспринимал себя как женщину и почти всегда бездействовал. Включали его разве что для развлечения инвесторов и иностранных партнеров, чтобы те поумилялись немного тому, как кукла на тонких ножках с почти человеческим лицом научилась держать равновесие и отвечать миленьким женским голосом на заурядные вопросы.

– Лим, Лим, там и делать ничего не нужно! Архитектуру лица – это легко, это сраный 3D-принтер! И программу, конечно, – она должна не анекдоты рассказывать, а отвечать, как мать!

– Это невозможно, – повторял Лим.

– Да она ж даже нашу речь анализирует! Есть... есть программы робота-няни, есть... что угодно есть! Лим, помоги, а!

Лим согласился. Больше от безысходности – он был спокоен и уверен в первые сутки после катастрофы, а потом сдал. От безлюдья и непонимания, что делать дальше. Поиск выживших оказался бесполезен – это придавило Лима.

Он перебрался на предприятие. Часть здания была разрушена, но конкретно лаборатория не пострадала. Макс радовался такой счастливой случайности, но Лим сказал, что никакая это не случайность – лаборатория изначально проектировалась устойчивой к взрывному и радиационному воздействию, и если бы у кого-то, кроме Лима, имелся к ней доступ... да, если бы был доступ – спаслось бы много людей. Но код доступа для входа знал только Лим, а он предпочел укрыться в «семейном убежище».

– Уот это сичасливая силучайность, – подытожил Лим.

ШАПА походила на человека ровно настолько, чтобы пугать, но Макс надеялся, что Тёма будет слишком счастлив увидеть мать. К тому же болезнь могла повлиять и на внешность, почему нет.

А потом вернулось телевидение. Лим ожил и решил добраться до Китая.

– Макис, – говорил он. – Уежай тоже. Миного голодов целые.

Макс, глупый Макс, он не выдавал этого, не признавался ни себе, ни матери, ни ребенку – но втайне был уверен, что создает для Тёмушки нечто вроде последней картинки, провожает в последний путь. Что умрет его любимый Тёмушка через два-три месяца от дозы, полученной при ожоге, – да ведь и болел он все время. Зациклился Макс и не думал ни о чем, кроме создания крошечного уголка старого мира.

– Доделай Варю. Усовершенствуй программу, чтобы она отвечала хоть нормально. Ребенка могла носить на руках. Чтобы могла с ним посидеть. Доделай и катись, куда хочешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.